

УДК 930

ИСТОРИОГРАФИЯ КУРЫКАНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ*

© В.В. Ушницкий

Статья посвящена изучению курыканской проблемы в отечественной историографии. Советские ученые связывали курыкан с предками саха. Потом этой проблемой стали заниматься бурятские исследователи, отождествившие курыкан с племенем хори. Курыканы входили в состав тогуз-огузов и в составе огузских племен могли уйти на запад.

Библиогр. 25 назв.

Ключевые слова: археология, Прибайкалье, курыканы, тюркология, китайские источники, саха (якуты), этногенез.

HISTORIOGRAPHY OF THE KURYKAN PROBLEMS

V.V. Ushnitsky

Article examines Kurykan problems in the national historiography. Soviet scientists associated with the ancestors Kurykan Sakha. Then the problem became engaged Buryat researchers identify Kurykan tribe Hori. Kurykans were part toguzOguz and composed Oguz tribes could go west.

25 sources.

Keywords: Archaeology; Baikal; Kurykans; turkology; Chinese sources; Sakha (Yakutia); ethnogenesis.

В советской науке в XX в. прочно утвердилась традиция связывать этногенез и раннюю этническую историю якутского народа с курыканами. Во многих монографиях и учебниках этот факт давно преподносится как непреложная истина. Это мнение укрепилось в исторической литературе вместе с концепцией об исходе тюркоязычных предков саха с Байкала под натиском монголоязычных предков бурят. О принадлежности именно курыканам раннесредневековых археологических памятников Прибайкалья, объединенных в рамках курумчинской археологической культуры, утверждают все энциклопедии и академические издания.

Источниками изучения средневековой истории тюркских народов являются рунические памятники, китайские летописи и сочинения арабо-персидских путешественников. Их интерпретацией успешно зани-

мается не одно поколение отечественных и зарубежных ориенталистов. Их исследования имеют неотложное значение для изучения этногенеза и ранней этнической истории тюрко-монгольских народов. Сложилась устойчивая традиция связывать происхождение того или иного современного народа со средневековым этносом. Эта тенденция привела к появлению трудов из жанра фолькс-хистори (псевдоистории) в постсоветском пространстве. Поэтому сначала надо тщательно разобраться с источниками и историографией, чтобы подойти к данному вопросу с научной точки зрения. В статьях научно-популярного характера часто появляются непроверенные версии, вроде утверждения о высоком кузнечном мастерстве древних курыкан – предков Саха, или об обитании курыкан в Приангарье, вплоть до монгольского времени. Часто такие сведения, попадая на страницы учебников края, республики и народа, начинают восприниматься как непреложный факт.

В связи с подготовкой к изданию новой истории республики Саха (Якутия), среди якутской общественности снова возник

* Исследования осуществлены при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» И120214053613.

научный интерес к курыканской проблеме. Ведь в старой истории Якутской АССР под редакцией академика А.П. Окладникова курыканы преподносились как прямые предки народа саха, имевшие свою государственность – эль, подкрепленную материалами из якутского фольклора.

В XIX в. из китайских летописей, переведенных Н.Я. Бичуриным, ученый мир узнает о существовании в средневековье народа гулигань. Так, в династийной хронике «Старая Танская история» речь идет о том, что «Гулигань помещаются на север от Ханьхай. Много лилий. Разводят хороших лошадей. Их страна на север достигает моря, отстоит от столицы очень далеко. Еще на север, если перейти через море, то дни длинные, ночи коротки...» [Кюнер, 1961. С. 281].

Именно иероглиф Ханьхай был переведен Н.Я. Бичуриным как Байкал: «Гулигань кочевало по северную сторону Байкала». Однако у поздних исследователей сложилось различное мнение по поводу месторасположения местности Ханьхай. Ю.А. Зуев подразумевает под ней Хангай – нагорье в центральной части Монголии. Э.В. Бретшнейдер писал, что Ханьхай – это часть пустыни Гоби. Жу Шунь в комментариях к слову Ханьхай дал такое примечание: «Ханьхай – это название северного моря» [Малявкин, 1989. С. 140].

Если китайские и иностранные комментаторы соглашались с тем, что под Ханьхаем – пустыней, за которой обитали гулиганы, фигурирует Ледовитый океан или северная тундровая зона, то советские и российские историки даже мысли не допускают о возможности знакомства средневековых ханьцев со столь отдаленных территорий и даже обмена дарами. Из страны гулиганей в Танскую империю, прежде всего, привозили рог хуту (мамонта), в переводе Н.В. Кюнера прямо написано, что там «гнездо мамонта» [Кюнер, 1963. С. 286]. Значит, гулиганы за костью мамонта могли ходить даже к островам Ледовитого океана.

Секретарь Цинской династии XVIII в. пришел к выводу, что гулиганы жили в местности Якутск (Ятэку), близ моря, на крайнем северо-востоке. Ханьский историк династии Цинь XVIII в. заметил, что «ме-

сто восхода солнца не может быть пройдено ни на конях, ни ветром, а пустыня Ханьхай просто находится на Крайнем Севере». Поэтому он пишет, что только из хвастливых слов послов из страны гулиганей они были записаны в летописи. В то время среди ханьцев просто не было людей, лично посетивших эти далекие северные края [Кюнер, 1961. С. 35].

Еще посланник из страны гулиганей поведал о том, что Ханьхай (пустыня) есть местность, расположенная близко к месту восхода солнца, изумив этим сообщением китайских географов. Гулигань из всех племен теле, считались наиболее отдаленными [Кюнер, 1961. С. 35]. Отсюда можно прийти к выводу, что гулиганы жили в местности, где зимой тянулись длинные полярные ночи и наоборот летом солнце очень долго стояло на горизонте.

Если исходить из того, что гулиганы жили севернее пустыни Гоби, то становится непонятным утверждение о том, что гулиганы являются самым северным поколением теле. Ведь байырку – другое телеское племя, по мнению исследователей, проживало на территории Баргузинской котловины. Значит, гулиганы могли располагаться в более северных широтах.

В то же время описание гулиганей соответствует степному племени, ведущему кочевой образ жизни: «Производят отличных лошадей. Голова этих лошадей походит на (голову) верблюдов. Мышцы и кости грубы и крепки. Лучшие из них в день проходят несколько сот ли (верст)» [Окладников, 1955. С. 315]. Гулиганы-курыканы были кочевым народом, и этот факт противоречит материалам курумчинской культуры, чьи обитатели были полуседлыми земледельцами.

По свидетельству китайской хроники, племена гулигань (курыкан) и дубо были соседями: «На север от двух племен (поколений) Гулигань и Дубо имеется небольшое море. Когда лед крепок, лошади, идя 8 дней, могут переправиться. На север от моря много больших гор. Жители их по виду очень крупны. Обычаем походят на Гулигань» [Кюнер, 1963. С. 286]. Следовательно, в этом отрывке племена дубо (тумат) и гулиганы (курыканы) упоминаются как

обитатели крупного озера, сравнимого с небольшим морем. Предполагается, что это озеро Байкал, хотя территория обитания племени дубо всегда отмечается около озера Хубсугул. А.П. Окладников в крупных людях, обитающих в горах, предполагал племя дахань, по его мнению, проживавшее на Верхней Лене и оставившее воробьевскую культуру [Окладников, 1955]. Как отметил Н.Я. Бичурин, в земле гулиганей было много сараны или лилии, следует указать, что их много растет по горам от вершин Енисея до Чикоя.

Во времена правления Тайцзуна гулиганы принесли свою дань Танской (табгачской) династии, их территория была номинально включена в состав империи и была создана административная область Юаньцзюэчжоу. В годы правления Луншо (661–663) эта область была переименована в Юйчжоу и подчинена дудуфу (чиновнику) Ханьхя [Кюнер, 1963. С. 283].

Вполне вероятно, китайские чиновники, исходя из факта преподнесения даров гулиганами, могли номинально включить их в список областей империи Тан, хотя эта зависимость скорее существовала только на бумагах табгачских чиновников. Сохранился рассказ о преподнесении великим старейшиной гулиганей «10 скакунов» императору Тан. Любопытно, что в преподнесенных лошадях в основном преобладал «пегий цвет» [Окладников, 1955. С. 283].

В другом отрывке о вероятном месте жительства гулиганей: «Гулигань живут на северной стороне от Хуйхэ, на север от Ханьхай. Двое сызгинь вместе живут» [Кюнер, 1963]. Хуйхэ – китайское произношение имени уйгуров. Следовательно, гулиганы проживали севернее Селенги, где жили уйгуры Центральной Бурятии. В летописи династии Ляо упоминается область Гулигань – это территория Приамурья, где обитали чжурчжэни.

Теперь разберем сведения о курыканах, о которых есть два упоминания в надписях на надмогильном камне Кюль-Тегина. В частности, в четвертой и четырнадцатой строфах большого памятника в честь Кюль-Тегина написано следующее: 4 строфа – «(В качестве) плачущих и стонущих (т. е. для выражения соболезнования) (пришли)

спереди, из (страны) солнечного восхода, народ степи Беклийской, (а также) табгач, тибетцы, авары и Рим, киргизы, уч-курыканы, отуз татары, кытай и татабийцы, столько народов придя, стонали и плакали» [Малов, 1951. С. 29, 36]. К курыканам здесь применен термин уч-три, что позволило возникнуть довольно примечательной гипотезе В.В. Свинина о курыканах – в качестве трехплеменного союза тюрок (саха), монголов (бурят) и эвенков-тунгусов.

В 14 строфе памятника говорится о противниках древних тюрок: «Справа (т. е. на юге) народ табгач был (ему) врагом, слева (т. е. на севере) народ токуз-огузов (под начальством) Баз-кагана был (ему) врагом, киргизы, курыканы, «тридцать татар», кытай и татабы все были (ему) врагами» [Малов, 1951]. Курыканы здесь представлены в одном списке вместе с кыргызами, табгачами, тогуз-огузами, и кытаями среди врагов Каганата, то есть считается, что они были воинственными и стояли в одном ряду с этими народами.

В седьмом памятнике рунической письменности Хакасии с р. Уйбат встречается изречение: «При взятии племенного союза Уч-курыкан Вы Тириг-бек (были) словно клыкастый вепрь!» Тириг-бек с дружиной из 40 батыров ходил в боевой поход против курыканов и в свирепой битве покорил восточных соседей кыргызов, обитавших в Прибайкалье. Как предполагает В.Я. Бутанаев, захват или покорение курыкан кыргызами произошел уже в первой половине VIII в. н. э. [Очерки истории Хакасии, 2008. С. 155]. И.В. Кормушин вместо прочтения уч-курыкан предлагает чтение куч уйгур хан – сильного уйгурского хана. Следовательно, надпись повествует о разгроме кыргызами уйгуров [Кормушин, 2008. С. 158].

Немало дров наломано и по поводу происхождения этнонима курыкан. Также есть версия, что этноним курыкан происходит от бурятского «хюргэн-кюргэн» и тунгусского «курокан, куракан, курэкэн», что означает «зять». В то же время Г.В. Ксенофонов первым заявил о тюркском происхождении этого слова [Ксенофонов, 1992. С. 195]. Так, по Рашид-ад-дину, исходя из монгольской традиции, все зятья Чингис-

хана в придачу к своему имени получали титул «куркан» [Рашид-ад-дин, 1952. С. 175].

Б.З. Нанзатов предложил новое прочтение этнонима уч-курыкан как «три военных гарнизона». В Древнетюркском словаре (ДТС) есть слово *qoγuqaŋ* ~ *qurīqaŋ*, совпадающее с этнонимом курыкан (*qurīqaŋ* «ДТС») и имеющее значение «стан, военный лагерь» [Нанзатов, 2003. С. 30]. Тем самым он предлагает оригинальный взгляд на объединение уч-курыкан как на военный дистрикт, состоящий из трех гарнизонов, организованный в таежной зоне Западного Прибайкалья, в верховьях Ангары и Лены [История Бурятии, 2011. С. 263].

Было замечено, что термин курыкан имеет семантическую связь с бурятским словом хорео (загон для скота, изгородь) и якутским кюрюе (загон для скота, изгородь). Поэтому Д.В. Цыбикдоржиев в курумчинских городищах, которые одни считают святилищами, другие – укреплением или загоном для скота, видит «классические» мужские дома, т. е. места временного проживания подростков и юношей [Цыбикдоржиев, 2004. С. 342]. Исходя из устного объяснения Г.В. Попова, следует указать, что в ДТС приводится слово *qoγīqaŋ*, читаемое не как курыкан, а как хориган. К тому же, если слово курыкан имело значение гарнизон или мужской дом, то само собой отпадает проблема этнической преемственности между курыканами и хори.

Вторая часть слова курыкан-кан является дополнением, прибавляемым к названию племени. Например, ураныкаан от имени племени уран. Следовательно, курыканы имели реальное название – кури, хори. Специалисты по руническим памятникам отмечают, что термин курыкан читается отдельно как хоро хан (информация канд. филос. наук Г.Г. Левина), что можно перевести как предводитель племени хори. И.В. Кормушин имя курыкан склонен сопоставить с именем хоринских бурят [Кормушин, 2000. С. 61].

Но, по замечанию И.В. Константинова, курыканы Прибайкалья и монголоязычные хори никакого генетического родства не имеют и хоринцы не входили в состав ку-

рыкан. Из сведений «Сокровенного сказания монголов» о хори-туматах он пришел к выводу, что курыканы и хоринцы являются различными народами. Так, если хоринцы рисуются как типичные кочевники, то курыканы, отождествляемые с курумчинцами, вели оседлый образ жизни [Константинов, 2003. С. 51–52]. Действительно, если гулиганы китайских источников являлись хорошими коневодами, выращивающими отличных скакунов, то обитатели курумчинской культуры – оседлыми земледельцами и скотоводами.

В качестве доказательства тождественности племени хори с курыканами обычно приводятся сведения в арабо-персидских источниках о племени фури или кори IX–X вв. на Ангаре. Исходя из того, что в арабском алфавите буквы «к» и «ф» легко смешиваются, исследователи иногда название племени «фури» читают как «кори». Автор IX в. Гардизи указывает: большое племя «фури», Тахир Марвази называет племя кури (XII в.) и помещает к востоку от кыргызов. Худуд-Ал-Алам описывает племя фури как грубых каннибалов, имеющих особый язык [Румянцев, 1962. С. 121].

По свидетельству секретаря Юаньской династии, приангарские кули (кори) являются потомками древнего племени Гуливо (гулигань) [Грумм-Гржимайло, 1926. С. 426]. Значит, здесь зафиксирована этническая преемственность между страной Гулигань и племенем кори арабо-персидских источников и кули-ангу-хэшэ в Юань-ши. Значит, впервые неизвестный юаньский переписчик отождествил кори с гулиганами, заложив тем самым начало обширной историографии данного вопроса.

По данным Тан шу, приводимым Дж. Гамильтоном, курыканы входили в состав племен тогуз-огузов или теле, наряду с уйгурами, сирами, дубо [цит. по: Кляшторный, 201. С. 164]. Значительная часть племен тогуз-огузов ушла в западные степи и принимала активное участие в формировании огузов, ставших предками туркмен, азербайджанцев и турок. Часть курыкан могла уйти в составе огузского движения на запад; так, среди туркмен обнаруживается племя каркын [Джикиев, 1991. С. 40].

Выдающиеся советские ученые А.П. Окладников, С.Е. Малов, С.А. Токарев, Б.О. Долгих считали курыкан тюркоязычными, отождествляя в целом с предками якутов. Монголоязычными их считали в основном зарубежные исследователи: П. Пелльо, Л. Амбис, Ю.Д. Талько-Грынцевич, а также А.Н. Бернштам, В.В. Бартольд и В.Л. Котвич, считая их в основном предками хоринских бурят [Румянцев, 1962. С. 143].

В Монголии вплоть до начала XIII в. сохранялись племена, которые считаются потомками курыкан. Потомков курыкан также видят в названии тюркского племени куркан XII в., которые присоединились к монголам. Керейтский род кыркын, жалаирский род куркин можно считать потомками племени курыкан [Аманжолов, 1959. С. 49].

Потомков курыкан видят в бурятском роде хурхад среди эхеритов и булагатов. Г.О. Авляев пишет, что часть курыкан сохранилась в среде ойратов-торгаутов и калмыков-торгаутов под именем гурвуд, т. е. гурвуды – это калмыцкая калька древнего этнонима «уч-курыкан» [Авляев, 1994. С. 141].

Тюрколог Ю.А. Зуев считает установленным подлинное звучание терминов гэкунь и цзянькунь, в которых видят кыргызов, как кыркун. Этноним кыркун он расшифровывает исходя из тюркской лексики «кыр» – «поле», «степь»; и «кун» – полевые гунны, степные гунны [Зуев, 1958. С. 73]. Следовательно, кыркун был самоназванием древних таштыкцев. От них откололись курыканы, ушедшие на Байкал и енисейские кыргызы (хакасы). Эти данные позволяют, по утверждению Ю.А. Зуева, признать тождество курыкан с кури (хори) [Зуев, 1962].

Отождествление предков саха с курыканами обосновано и на археологических источниках. По словам А.И. Гоголева, анализ археологического материала из центральных районов Якутии, датированного XIV–XVIII вв., показывает определенное сходство некоторых вещей с курыканами [Гоголев, 1993]. С курыканским наследием в якутской традиционной культуре связывается обряд трупосожжения, существо-

вавший до середины XVII в. Интересно также провести аналогию между надмогильными сооружениями курыкан из каменных плит в виде пирамидок высотой до метра (ураса) и якутским обрядом «Проводы Айысыт», когда над закопанным последом женщины собирали из лучинок урасу и сжигали.

Антропологические материалы подтвердили предположение об уникальности населения курумчинской культуры. Дальнейшую судьбу курыкан А.И. Бураев считает исторической загадкой. Их участие в этногенезе якутов вряд ли было определяющим [Бураев, 2005. С. 211–215].

Антропология курумчинского населения сопоставима с хуннами Монголии и Забайкалья [Бураев, 2000. С. 83–93]. Возможно, эти примеси и проявляются в антропологии населения курумчинской культуры, так как они схожи с современными народами Нижнего Амура – ульчами и негидальцами [Бураев, 2000. С. 91–92].

По мнению Б.Б. Дашибалова, как в тюркский, так и в монгольский периоды вокруг Байкала существовала одна и та же археологическая культура. Эта типология основана на выявленных им сходных типах и вариантах погребальных сооружений – могил в ямах под каменными насыпями или просто в грунтовых ямах без надмогильных камней, в тех и других – внутриямные конструкции в форме дощатых гробов, берестяных пакетов и деревянных колод. Переход к вытянутому труположению и появление ритуала, согласно которому в могилу стали класть баранье стегно, от которого остается берцовая кость, свидетельствует, по утверждению Б.Б. Дашибалова, об этнической трансформации тюркоязычных курыкан в монголоязычных хори [Дашибалов, 1995. С. 119–120].

Курумчинские грунтовые захоронения без надмогильной конструкции сходны с аналогичными погребениями средневекового населения Дальнего Востока, сопоставим во многом и их погребальный инвентарь [Дашибалов, 1995. С. 119–120]. Таким образом, курыканы отождествляются с хори, а те – с хороарами. Между тем курыканы выступают в качестве этнических предков саха, хотя везде подчеркивается

иноплеменность хоро, их отдельное прибытие.

Б.Б. Дашибалов выявляет дальневосточный субстрат в культурном облике курумчинской культуры. Наличие дальневосточного субстрата в курумчинской культуре позволяет видеть в них монгольские корни и связывать их с хори-монголами раннего средневековья. Б.Б. Дашибалов называет курумчинцев в поздних трудах хори-шивеями, отождествляя их с сяньби. Таким образом, бурятские исследователи доказывают этническую преемственность между курыканами и хоринцами.

Следовательно, под понятием курумчинской культуры, отождествляемым с курыканами, попадают разновременные культурные памятники Байкальского региона, определяемые периодом средневековья. Курыканы стали считаться древними предками саха. Но при внимательном знакомстве с подоплекой историографических вопросов и источниками на разных языках теория курыканского происхождения саха

начинает рушиться. Тем более что носители курумчинской культуры не связаны с курыканами, более того, отвергается само существование единой курумчинской культуры с охватом территории Приангарья, Верхней Лены и Баргузина. Поэтому дальнейшее изучение курыканской проблемы должно быть свободным от историографических мифов.

История средних веков состоит из постоянных миграций в результате войн и природных катаклизмов. В ходе таких передвижений племя курыкан окончательно потерялось, оно вошло в состав других этносов и в таком виде вполне могло принимать участие в этногенезе саха, как и других тюрко-монгольских народов. Поэтому принимать их в качестве прямых этнических предков саха является некорректным с исторической точки зрения, пока не доказано их преемственность с носителями названия хор-хори.

Статья поступила 03. 06. 2014.

Библиографический список

1. Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа. М. ; Элиста : Этнолог-центр, 1994. 325 с.
2. Аманжолов С.А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959. 72 с.
3. Боло С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену : По преданиям якутов бывшего Якутского округа. Якутск : Нац. кн. изд-во «Бичик», 1994. 320 с.
4. Бураев А.И. Средневековое население Прибайкалья и Забайкалья по данным краниологии. Улан-Удэ, 2000. 127 с.
5. Бураев А.И.. Кочевые народы Циркумбайкалья по данным антропологии // Социогенез в Северной Азии : Сб. науч. трудов. Ч. 1. Иркутск, 2005. С. 211–215.
6. Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Л., 1926. 523 с.
7. Гоголев А.И. Якуты (Проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск : Изд-во ЯГУ, 1993. 200 с.
8. Дашибалов Б.Б. Археологические памятники курыкан и хори. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. 189 с.
9. Джикиев А.Д. Очерки происхождения и формирования туркменского народа в эпоху средневековья. Ашхабад, 1991. 336 с.
10. Зуев Ю.А. Термин "кыркун" // Тр. ин-та истории АН Киргизской ССР. 1958. Вып. IV. С. 173.
11. Зуев Ю.А. Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам // Тр. ИИАЭ им. Ч. Валиханова АН Казахской ССР. Алма-Ата, 1962. Т. 15. С. 107–116.
12. История Бурятии. Т. I. Древность и средневековье. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2011. 328 с.
13. Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпиграфии: грамматика, текстология. М. : Наука, 2008. 342 с.
14. Константинов И.В. Происхождение якутского народа и его культуры / Ин-т гуманитар. исслед. Акад. наук Респ. Саха (Якутия); Ю.А. Мочанов. 2-е изд., испр. Якутск, 2003. 92 с.
15. Ксенофонтов Г.В. Ураанхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Якутск : Бичик, 1992 (1937). Т. I. Кн. I. 416 с.

16. Кляшторный С.Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история Евразийских степей. СПб.: Изд-во «Петербургское востоковедение», 2010. 328 с.
17. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М. : Изд-во «Восточная литература», 1961. 281 с.
18. Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск : Наука. Сибирское отд., 1989. 432 с.
19. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1951. 400 с.
20. Нанзатов Б.З. Расселение и племенной состав номадов Центральной Азии в предчингисовское и чингисовское время (по данным летописей Рашид ад-Дина) // Монгольская империя и кочевой мир (материалы межд. науч. конф.) Кн. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. С. 377–444.
21. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. I. Кн. 1–2. 221 с.
22. Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ, 1962. 240 с.
23. Окладников А.П. История Якутской АССР. Т. I. Якутия до присоединения к Русскому государству. М.; Л. : Наука, 1955. 295 с.
24. Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности). Абакан : Изд-во Хакасского госуд. ун-та им Н.Ф. Катанова, 2008. 672 с.
25. Цыбикдоржиев Д.В. К вопросу о происхождении этнонима курыкан // Гуманитарные исследования молодых ученых Бурятии. Улан-Удэ, 1996.

Сведения об авторе

Ушницкий Василий Васильевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, 677000, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, 1, тел.: 8(4112) 364658, e-mail: voma@mail.ru

Ushnitsky Vasily Vasil'evich, PhD, researcher, Institute of Humanitarian Research and Indigenous Peoples of the North SO RAN, 67700, Russia, Yakutsk, Petrovskogo str., 1, tel.: 8(4112) 364658, e-mail: voma@mail.ru